**ПРОБЛЕМА ИРРАЦИОНАЛЬНОГО
В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО
ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА**

Д. Н. Обыденный

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 сентября 2016 г.

Аннотация: *в статье автор продолжает рассмотрение проблемы иррационального с ориентацией на проблемное пространство экзистенциального философского дискурса. Эксплицируется генезис постановки иррационального применительно к контексту атеистического и религиозного экзистенциализма.*

Ключевые слова: *иррациональное, экзистенциализм, абсурд, заброшенность, Ж. П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер.*

Abstract: *the article deals with the problem of irrationality in the context of existential philosophy. The author analyses basic existential concepts in their connection with the irrational.*

Key words: *irrational, existential, philosophy, absurd, J. Sartre, A. Camus, M. Heidegger.*

Проблема иррационального, по сути, образует одну из центральных, фундаментальных и структурообразующих архитектур философия дискурса как такового проблем, имеющих непреходящий, а, возможно, и первостепеннейший характер в силу определенных причин и обстоятельств. Прежде всего, сама философия как таковая, как определенный и древнейший способ отношения к миру, возникший прежде науки, изначально возникает как некое животрепещущее уязвленное и искушенное вопрошание о смысле всего и вся бытия как такового, поскольку последнее окружает, задевает и обступает своей молчаливостью человека. Философия академий университетов, институтов, сложившихся коллективов и сообществ в определенном смысле уже постфилософия, существующая и развивающаяся в рамках определенных форматов, которые предпосланы ее творцам. В этом смысле они призваны и даже вынуждены считаться с устоявшимися нормами, идеалами, ценностями, тенденциями и даже своеобразными нормативами современного философского дискурса. Как мы уже не раз отмечали в более ранних работах, процесс институционализации и бюрократизации, как в положительном, так и отрицательном аспектах философии, равно как и научного знания вообще, имеет двоякую тенденцию, когда первая дает процессу развития знания своеобразное ускорение, но противоположная всячески тормозит его и существенно искажает. Уберите из философии живого страдающего, страждущего и сомневающегося человека смятенный ум, истерзанную стенаниями и исканиями смысла душу и всё величествен-

ное здание метафизической мысли сразу же рухнет, потеряв свой скелет. Именно в этом пункте генезиса философской мысли и соответствующего предшествующего ей переживания и укоренена проблема иррационального иррациональности как таковой. В данном, самом общем смысле с иррациональным человек сталкивается в следующих аспектах. Наличие разума предъявляет свои особые критерии оценки и требования к реальности, соответствие которым мы, конечно же, в мире находим, но далеко не всегда. Легко так вольготно и пространно рассуждать о мире, находясь в тепле, покое, уюте и безмятежности существования, и набирать черные буквы на белой бумаге, внимая тишине вокруг, покою души и отсутствию боли в теле. В этот же миг многие переживают и постигают то, что едва ли даст возможность когда-либо выплеснуть это на бумагу в виде развернутых тезисов и логических, выстроенных умозаключений. Разум одержим идеей целесообразности, отсюда его основная задача оправдывать прошлое, видеть в нем цепочку причин и следствия, ведущих к некому результату, который мы опять же рассматриваем как желаемый и удовлетворяющий нас. В определенном смысле, указанном здесь, А. Бергсон совершенно справедливо отмечал не только глубинную прагматическую нацеленность разума как такового и его утилитаризм, стремление успокаивать и смягчать чувства и эмоции своей аргументацией о том, что всё в конечном итоге гармонично целесообразно и служит некоей общей программе бытия [1]. В конце концов, оценка – дело сугубо личное, тем более что в рамках одного и того же оценивающего субъекта она меняется и варьируется с течением времени: палач на эшафоте в роли приговоренного в последний момент, вероятно, иначе оценит и внесет поправку в угол падения меча, поняв, что старался всё же не так самоотверженно и добросовестно, как думал. Не так интересна философия, системы, идеи и концепции великих мыслителей, которые остались в их отшлифованных мыслью здорового тела и души текстах, составляющих наследие, так называемой культуры в виде груды томов, разбитых на разделы, подразделы, главы и параграфы. Интересна, но, к сожалению, нам, потомкам, едва ли когда-либо будет известна, записана и озвучена мысль, сопровождающая их последний вздох, сознательный взгляд во всё, что есть, и финальное суждение, если, конечно, оно было философским. Но мы же должны верить их искренности, считая, что и в свой последний момент их занимали именно те вопросы, которые и составили их та называемое наследие? И. Кант, по свидетельству присутствующих, произнес «хорошо», прежде чем покинул этот мир, разменяв его на другой, а, может быть, и канув в ничто. Но что значит это «хорошо», если оно действительно и было произнесено? Нам не узнать никогда интонации, не увидеть глаз, взгляда произносящего, его мимику, движение губ. Что дает нам это «хорошо»? Таким образом, все философские произведения принципиально и фундаментально не закончены, не завершены, не дописаны, рука водящая пером не успела, ее оборвали...

Иррациональное в жизни настигает нас повсюду. Говорить о нем, мысля жизнь, себя в ней, само существование и бытие, возможно в сле-

дующих смыслах. Во-первых, почему, обладая разумом, я нахожу мир во многом неразумным, более того, стремясь даже постичь в нем разумность и даже частично ее обнаруживая (наука, философия, искусство, личный опыт и путь), все равно не успеваю завершить схему, достроить систему своего мировоззрения и мировидения – смерть финализирует меня раньше, чем моя мысль доберется до чего-либо стоящего, искомого, веского, того, что завтра же либо через секунду не испепелит скепсис. Нам остается либо надеяться на внезапное и мгновенное откровение, просветление, некий вариант того, что так активно описывает восточная философская традиция, либо, вообще отчаявшись, искать забвения в чём угодно, лишь бы оно прекратило то постоянное внутренне и неискоренимое воспроизведение философского вопроса в его неотступности, глубинах разума и сердце души. Во-вторых иррациональность мира скрывается в разорванности времен на модусы настоящего, будущего и минувшего. Любое решение, воплощенное в дело, тут же становится внешним и имеет соответственную, зачастую совершенно от нас не зависящую логику развития. Данный факт, имеющий глубоко онтологическую определенность и истоки, пожалуй, наиболее ранящий. Необратимость времен и следующая из этого необратимость того, что было подумано, почувствовано, совершено, сделано, сказано, – своеобразный бич рода людского. Даже удерживая что-то в мысли, непрестанно планируя, обдумывая возможные связи, последствия, итоги, следствия и эффекты наших слов и поступков, мы практически никогда не можем быть уверены в конечном итоге. Подобную ситуацию, пусть и достаточно грубо, и нарочито, прямолинейно описывает Ж. П. Сартр в своем рассказе «Стена» [2]. Разорванность темпорального измерения бытия на три ипостаси коррелирует и с тем, что время, как это показал М. Хайдеггер, образует не только горизонт бытия экзистирования, но и понимания, а также мышления [3]. Таким образом, прийти к абсолютно истинной мысли совершенно невозможно, если следовать логике указанного автора. Мы здесь не касаемся, конечно же, каких-либо примитивно бытовых и предельно утилитарных вещей и событий, хотя, всмотревшись пристальнее, мы обнаружили бы и в них существенные проблемы, которые философия в силу своей метафизической перспективы взгляда пробрасывает, но подмечает экономика, управление ресурсами, финансами и т.д.

Выше мы упомянули авторов, труды которых наряду с С. Кьеркегором, А. Камю, К. Ясперсом, Н. Бердяевым образуют корпус сочинений экзистенциально-философской литературы. Действительно, экзистенциализм – это не только направление предельно близко наряду с философией жизни, подошедшей к осмыслению проблемы иррационального, но, если так можно выразиться, а выразиться так, несомненно, можно, дискурс, вскормленный не столько проблемой, дилеммой иррационального, сколько самим иррациональным в его различных проявлениях. Базовые тезисы экзистенциализма, как в его светско-

атеистическом, так и религиозном вариантах, не дают сомнений, что мыслители, создавшие данный дискурс, непосредственно испытали на себе влияние различных иррациональностей, которыми наполнено существование человеческое.

Светская и предельно атеистическая в своей тенденции и настрое экзистенциальная традиция, безусловно, отмечена гением Ж. П. Сартра и А. Камю. В сущности, оба мыслителя, разумеется, на свой лад и своей индивидуальной стилистической манере, говорили одно. Основная мысль указанных мыслителей – это совершенная бессмысленность всего существующего, происходящего, прошлого и будущего. Ж. П. Сартр маркирует указанное переживание реальности термином-образом тошноты, А. Камю – понятием абсурда. Бессмысленность, тошнота и абсурд – ипостаси единого в своей основе мира, включающего в себя человека. Что это означает? Тошнота – это отчуждение и отторжение от того, чем являешься сам чем будешь и чем окружен. В одноименном романе, пожалуй, самом ясном и наиболее искреннем своем произведении, Сартр предельно откровенно разбирает основные, по его мнению, предрассудки, которыми человек пытается заштриховать свое существование, чтобы не быть разрушенным штормом бессмысленности бытия и выдержать издевку его молчания, насмешку жеста, указывающего на нас. Каждый лепит миф о себе, постепенно и умело объединяя куски прошлого и памяти, которые зачастую идеализированны словно фильм, в котором придирчивый цензор удалил определенный сцены, чтобы смягчить некие моменты, придать сюжету легкость и плавность. В данном случае созданием мифологичной гармоничной и эпической личной истории правит всё также идея целесообразности всего существующего, что и в случае построения грандиозных панлогических метафизических систем. С точки зрения Сартра, подобной тенденцией управляет лишь страх разворошить подлинные измерения собственного бытия, в глубине которого обнаруживаются заброшенность и случайность человеческого существа. Идея заброшенности, брошенности поднималась неоднократно М. Хайдеггером, для которого она означает то, что наше существование, от которого мы не можем отделаться и которое определенным образом непосредственно и однозначно навязано нам, не представляет результата нашего свободного выбора – говоря прямо, я вынужден мириться с тем, что, где, как и почему я есть, оставаясь в немоте абсолюта, который отсутствует, заложником ситуации. Фактически бессмысленность и заброшенность порождают абсурдность, о которой говорит А. Камю [4]. Будучи рассмотрено в пределе, всё является абсурдным и порождает вопрос, который постоянно искушает того, кто пытается мыслить, не осознавая этой опасности, – а не убить ли себя, – ведь абсурд трудно выносить, так как он впивается в ум, разрушая его структуры и тирании душу пустотой, ангедонией, истерией, паранойей и бессонницей. В то же время – самоубийство, Камю рассматривает его слишком поверхностно, ибо нам неведомо, что произойдет с нашим сознанием, после того как наша воля прервет

функционирование организма, прервав логику инстинкта самосохранения, страх боли и т.д. Абсурдность сообщает бытию иррациональность, и даже самоубийство не разрешает данной проблемы, так как мы снова и снова делаем выбор между неизвестностью жизни и неизвестностью смерти. Конечно, вполне возможно строить свои личные, субъективно ограниченные миниатюрные картины существования, компактные схемы космического уюта, но только закрыв глаза и абстрагировавшись от массы избыточных и неуместных с этой точки зрения фактов. Конечно же, творцы экзистенциализма, каждый на свой лад, пытались дать формулу некоего выхода из постулируемой ими же самими ситуации тошноты абсурда и заброшенности человеческого существования. Но кто даст гарантию, что этот выход хоть как-то реален и соответствует тому ходу вещей и, той логике мира, о которой, как оказывается из их сочинений, мы не знаем?

Если вести о речь о так называемом религиозном экзистенциализме, то здесь проблема иррационального встречается мыслителями совершенно в ином, как кажется, но лишь на первый взгляд, ключе. Если атеистический экзистенциализм сталкивался с заброшенностью и абсурдностью мира, то религиозные мыслители, начиная с Ф. М. Достоевского и заканчивая Г. Марселем, сталкивались с иррациональностью божества. Произведения Ф. М. Достоевского, при всем их размахе и сложности сюжетных линий, так и не отвечают ни словами, ни жизнью, ни судьбою его героев на вопрос о том, что же происходит в мире, зачем здесь столько страдания, кажущегося и ощущающегося без предварительных метафизических схем бессмысленным и избыточным, будучи взваленным на плечи человеческого существа. Даже чёрт, являющийся к Ивану Карамазову, в доверительной беседе сообщает тому, что он обречен, помимо своей воли, быть чадом тьмы без надежды на возвращение. Фигура и мысли Бога, его промысел и мотивы остаются за кадром, за кулисами драмы бытия, – остается только догадываться, заведомо осознавая, что ум человеческий не способен постичь великую премудрость и историко-бытийный план творца, его замысел относительно мира и человека.

Преданный ценитель, единомышленник и поклонник Ф. М. Достоевского, – Л. Шестов, – в своих трудах, схожих один с другим до неприличия, несмотря на различие вынесенных в заглавие тем и стилистическое исполнение, призывает двигаться от абсурдности и иррациональности мира, его неизменных законов, той горькой чаши, которую испивает человечество к вере. Остается только понять не только, что такое вера, но и, что самое главное, как ее, веру, воспроизвести в себе, как обрести в ней покой уверенности, твердость воли перед лицом того кошмара, который представляет собою жизнь в ее чуждости, непонятности, непроясненности, обрывчатости и фрагментарности не связанных друг с другом моментов. Призыв Л. Шестова вернуться к максиме Тертуллиана, которая столь известна в ее расхожем выражении, что ее цитирование будет явно

излишним, ничем не отличается по смыслу от того, что сказал сам упомянутый мыслитель [5]. О вере много написано, сказано, декларировано, но, судя по всему, лишь единицы располагают ею, у нас нет возможности знать, что это такое. К позиции Л. Шестова вполне гармонично прилегают идеи его учителя С. Кьеркегора и современника Г. Марселя. Иррациональность мира преодолевается спасительной иррациональностью божества, и мы можем ему вручить искупление мира смыслом, который узнаем потом, за гранью времен и бытия.

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция / А. Бергсон. – М. : КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.
2. Сартр Ж. П. Стена / Ж. П. Сартр. – М. : Азбука-классика, 2006.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Харьков : Фолио, 2003.
4. Камю А. Эссе об абсурде / А. Камю. – М. : Политиздат, 1990.
5. Шестов Л. Афины и Иерусалим / Л. Шестов. – М. : Азбука-классика, 2001.

Воронежский государственный университет

Обыденный Д. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

E-mail: philosclub@yandex.ru

Тел.: 8-920-445-87-77

Voronezh State University

Obydenny D. N., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: philosclub@yandex.ru

Tel.: 8-920-445-87-77